

А.Б. Баллаев

«Bürgergesellschaft» и сфера политического в философии Маркса

В творчестве К.Маркса проблематика гражданского общества не является первостепенной, однако занимает свое определенное место и обладает оригинальным осмыслением, что позволило Марксу внести свой вклад и в понимание политики, в понятие «политического». «Bürgerliche Gesellschaft», в котором жил Маркс и живем мы, имеет в концепции гражданского общества свое идеологизированное выражение — парадный портрет, написанный в либеральной, локковской манере. Здесь и по настоящее время под гражданским обществом понимается пестрый рой учреждений и организаций, создаваемых частными лицами прежде всего для защиты своей политической свободы от государства-Левиафана¹. Кроме того, эти организации реализуют различные групповые цели — экологические, охрану здоровья, гуманитарные и прочие. В наиболее «человеколюбивых» вариантах (либертарианство) гражданское общество ревниво относится даже к таким робким попыткам государства вмешаться в свои дела, как помощь одиноким матерям, социальное страхование и т.п.². Что касается более существенных сторон жизни гражданского общества (экономика = рынок), то позиция либеральной теории требует от них руководствоваться «собственной логикой» и не поддаваться «госконтролю»³. Таким образом, гражданское общество в либеральной традиции самоидентифицируется посредством противопоставления государству как субстанции «политического».

Однако социальная реальность, выраженная в концепции «гражданского общества», столь сложна, онтологически неоднозначна, что в европейской политической философии параллельно с либерально-апологетической существовала линия критического понимания этой реальности. Здесь изображение гражданского общества обретает большую реалистичность, более суровые краски. Его отношение к политической сфере, к государству истолковывается различным образом, но весьма контрастно относительно либеральной традиции. Соответственно изменяется и образ «политического», представление о государстве. К виднейшим представителям критического истолкования гражданского общества относятся многие теоретики, в XIX в. наиболее значимы из них Гегель и продолживший гегелевскую линию Маркс.

Гражданское общество в интерпретации Гегеля

Гегелевское понимание государства общеизвестно, историки расходятся только в его оценках (авторитаризм, тоталитаризм...). Но и концепция гражданского общества у Гегеля отличается четкостью, не позволяющей предлагать слишком экстравагантные интерпретации. Напомним основное, не касаясь «места» этого концепта в гегелевской философской системе. Во-первых, гражданское общество у Гегеля есть сфера «потребностей», т.е., **частного праксиса**. Оно отделено от государства и подчинено ему во многих отношениях. Гегель именовал его «внешним государством», в отличие от собственно государства как «внутреннего». Но современное государство, по Гегелю, само не может обойтись без гражданского общества (в чем его отличие от античных городов — государств). Существование гражданского общества неизбежно постольку, поскольку в современности «особенный произвол единичного человека делается исходным пунктом»⁴. Современное право, по Гегелю, позволяет каждому отдельному человеку «полную свободу действий...каждый признается личностью и каждый заботится только о защите своей собственной отдельной личности»⁵.

Во-вторых, Гегель располагает гражданское общество в некоем смысловом пространстве между семьей и государством. Личная, приватная сфера жизни людей, равно как политичес-

кое измерение этой жизни в понятие гражданского общества не входят. Очевидно, Гегель считал, что в «гражданском обществе» представлен исключительно производственный или коммерческий праксис мужчины («мужа», по гегелевской номенклатуре возрастов, а не «старца» и не «юноши»). Речь идет о ремесленной, торговой, сельскохозяйственной, правовой и других областях деятельности. Многообразие порождено непрерывно растущим разнообразием потребностей людей, требующим все новых видов труда, соответственно новых форм организации совместной деятельности, образования новых социальных групп и т.п. Все это, по Гегелю, находится вне сферы государственных институтов.

В-третьих, Гегель недвусмысленно высказывается о различии между государством и гражданским обществом в историческом отношении. Гражданское общество у Гегеля есть продукт недавнего происхождения, «дитя модерна», а государство было в полной мере еще в глубокой древности. Суть того, что такое государство, по Гегелю, наилучшим образом понимали и выразили еще Платон и Аристотель. Таким образом, гегелевское «гражданское общество» — понятие конкретно-историческое, фиксирующее радикальные изменения в отношении между сферами социальной и политической, наступившие совсем не так давно.

Гражданское общество, основные характеристики у Маркса

Для понимания общего подхода Маркса к этой теме важно учитывать, что Маркс на протяжении всей жизни не отказывался от гегелевского понимания гражданского общества в его основном, сущностном смысле, чтобы там ни писал Альтюссер об «эпистемологических разрывах». А именно, Маркс тоже считал, что гражданское общество есть «государство нужды и рассудка», признавал гоббсовскую «войну всех против всех» его важной характеристикой, связывал появление в истории гражданского общества (XVI–XVIII вв.) с эпохой, когда «различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности как всего лишь средство для ее частных целей, как внешняя необходимость»⁶. Или иначе: «В этом обществе

свободной конкуренции отдельный человек выступает освобожденным от природных связей и т.д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата»⁷. Эти почти гегелевские формулировки относятся по времени написания к августу 1857 г., когда все философские влияния ранних лет карьеры Маркса были уже в далеком прошлом.

Но, сохраняя главное в гегелевском истолковании, Маркс, в противовес Гегелю, пришел к выводам об определяющей и первичной роли гражданского общества по отношению к государству. В несколько упрощенном виде этот подход Маркса к данной проблеме сформулировал Энгельс в одном из своих поздних трудов: «Вообще не государством обуславливается и определяется гражданское общество, а гражданским обществом обуславливается и определяется государство, и, следовательно, политику и ее историю надо объяснять экономическими отношениями и их развитием, а не наоборот»⁸.

В итоговой для раннего периода своего развития форме эта принципиальная позиция Маркса сформулирована в статье «К еврейскому вопросу», написанной в 1843 г. Свою задачу Маркс формулирует как критику политического государства⁹, в связи с чем не может обойтись без того, чтобы не высказать ряд концептуальных положений о гражданском обществе.

Повторяем, Маркс полностью принимает основную гегелевскую характеристику гражданского общества как «сферы эгоизма, где царит *bellum omnium contra omnes*»¹⁰. Эта характеристика конкретизирована в анализе известных универсальных или всеобщих «прав человека». Следуя Руссо и в особенности Гегелю, Маркс проводит дистинкцию между человеком как частным лицом, т.е. членом гражданского общества (*bourgeois*), и человеком как гражданином государства (*citoyen*). *Права гражданина (citoyen)* Маркс не рассматривает. А вот *права человека (bourgeois)*: свободу совести, равенства, безопасности, собственности — анализирует подробно, исходя из текстов французской «Декларации прав человека и гражданина» (1791 г.) и конституций штатов Пенсильвания и Нью-Гэмпшир. В этих документах *свобода совести* представлена как «право отправлять какой угодно культ»¹¹. Сама же *свобода* в «Декларации прав человека

и гражданина» определена как «право делать все то, что не наносит ущерба правам другого»¹². Маркс комментирует это право как свободу «человека как изолированной, замкнувшейся в себя монады»¹³. Это, по Марксу, право обособления, «право ограниченного, замкнутого в себе индивида»¹⁴. Право человека на частную собственность по Конституции 1793 г. определяется как «право каждого гражданина... располагать по своему усмотрению своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своего усердия»¹⁵. Маркс называет это правом «свокорыстия», «при котором человек рассматривает другого человека не как осуществление своей свободы, а наоборот, как ее предел»¹⁶. Равенство в этих конституциях понимается как равенство каждого человека перед законом, а безопасность основывается на «защите, предоставляемой обществом каждому из своих членов с целью охраны его личности, его прав и его собственности»¹⁷. По Марксу, всеобщее право на безопасность соответствует понятию полиции у Гегеля, а все вместе прекрасно выражено тем же Гегелем в его квалификации гражданского общества как «государства нужды и рассудка»¹⁸. Иными словами, Маркс уже в ранних своих работах несколько конкретизирует гегелевское видение гражданского общества, но полемики с Гегелем мы тут не видим.

В соответствии с фейербахианским пониманием человека как «родового существа» Маркс отрицательно относится и «всеобщим правам» человека, ибо речь идет только о человеке как члене гражданского общества. «Ни одно из так называемых прав человека не выходит за пределы эгоистического человека, человека как члена гражданского общества, т.е., как индивида, замкнувшегося в себя, в свой частный интерес и частный произвол и обособившегося от общественного целого. Человек отнюдь не рассматривается в этих правах как родовое существо - напротив, сама родовая жизнь, общество, рассматривается как внешняя для индивидов рамка, как ограничение их первоначальной самостоятельности. Единственной связью, объединяющей их, является естественная необходимость, потребность и частный интерес, сохранение своей собственности и своей эгоистической личности»¹⁹. Эту же мысль Маркс формулирует и несколько иначе: «Государственно-гражданская жизнь, поли-

тическая общность, низводится... (в концепции универсальных прав человека. — А.Б.) до роли простого *средства* для сохранения этих так называемых прав человека»; «таким образом *citoyen* является слугой эгоистического *homme*... не человек как *citoyen*, а человек как *bourgeois*. считается *собственно* человеком и *настоящим* человеком»²⁰. Итак, человек в гражданском обществе суть буржуа, а человек государства, гражданин есть абстракция, юридическое лицо. Первое определяет второе, гражданское общество определяет государство. «*Практическая потребность, эгоизм* - вот принцип *гражданского общества*, и он выступил в чистом виде, как только гражданское общество окончательно породило из своих собственных недр политическое государство»²¹. Маркс встает полностью на антигегелевскую позицию в понимании отношения гражданского общества и государства, но сохраняет верность Гегелю в трактовке гражданского общества и человека гражданского общества, буржуа.

Далее, начиная с ранних лет своего творческого пути, Маркс рассматривал зависимость государства от гражданского общества не однозначно, а в различных плоскостях. Одной из оригинальных, типично марксовских идей является доказательство бессилия политического государства в его попытках воздействия на жизнь гражданского общества, а именно на решения острых социальных проблем. Впервые Маркс писал об этом в статье, рассматривавшей бедственное положение виноделов мозельского края. Затем в обобщенной форме это было проанализировано Марксом в статье о восстании силезских ткачей (полемика 1844 г. с А.Руге). А.Руге полагал, что недостаточное развитие политического сознания и практики в Германии было основной причиной непонимания социальной природы нищеты и провала попыток решить эту проблему административными средствами или с помощью благотворительности. На эти соображения Маркс отвечал, что сходные объяснения причин нищеты и попытки решить эти проблемы аналогичными средствами характерны и для Англии, самой богатой страны того времени, и для Франции эпохи Наполеона, власть которого была абсолютной. Англичане создали специальную администрацию с большим бюджетом для предоставления пособий по бедности, однако ввиду провала этой социальной инициа-

тивы ввели режим работных домов, т.е. легитимизировали фактическую нищету, превратив ее в законный национальный институт. Неудачи в решении этой проблемы преследовали и Наполеона, и даже Конвент времен французской революции, который, по Марксу, представлял собой «максимум политической энергии, политического могущества и политического рассудка»²². Причины этих неудач, по Марксу, коренятся в самой сути политического государства, подразумевающей его бессилие перед гражданским обществом. Государство, по Марксу, «зиждется на противоречии между общественной и частной жизнью, на противоречии между общими интересами и интересами частными. Администрация вынуждена поэтому ограничиваться формальной и отрицательной деятельностью, ибо там, где начинается гражданская жизнь и гражданская работа, там кончается власть администрации... Перед лицом следствий, вытекающих из антисоциальной природы этой гражданской жизни, этой частной собственности, этой торговли, этой промышленности, этого взаимного ограбления различных кругов граждан... бессилие администрации оказывается для нее законом природы»²³. Или иначе: «Эта раздробленность, эта мерзость, это *рабство гражданского общества* есть та естественная основа, на которой зиждется современное государство»²⁴. Таким образом, политическое государство вообще не призвано решать проблемы гражданского общества, поскольку они коренятся «в нынешнем устройстве общества, чьим деятельным, сознательным и официальным выражением является государство»²⁵.

Итак, Маркс реформирует гегелевское понимание отношения между гражданским обществом и государством еще и оттого, что **переистолковывает гегелевское понятие государства**. Государство для Маркса — не шествие бога в мире, как у Гегеля, а форма организации общества, призванная соответствовать той стороне гражданского общества, которая берет верх в «войне всех против всех». Эта организация не призвана к решению обще-социальных проблем (типа наличия нищеты или бедствий природного происхождения) по своей сути. Но, как впоследствии неоднократно отмечал Маркс, она будет решать эти проблемы по принуждению, в том числе и политического порядка (давление тех частей гражданского общества, которые не

являются победителями в гоббсовской войне, но сохраняют возможность сопротивления и угрозы). Законченную теоретическую форму концепция гражданского общества в его постоянном соотношении с государством получила у Маркса к 1850-м гг. Как впоследствии вспоминал он сам, его исследования довольно рано привели его к тому результату, что «формы государства... коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII в., называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии»²⁶.

Гражданское общество с позиции политической экономии

Обращение к «анатомии» гражданского общества позволило Марксу значительно изменить свое понимание этого общества в сравнении с исходным гегелевским вариантом. Маркс оставил в стороне гегелевское изображение структуры гражданского общества (сословия, суды, полиция, корпорации). Это, конечно, не означает, что Маркс отказался от гегелевского концепта «потребностей», толкования роли разделения труда или феноменологии сословий, судов, полиции и корпораций. Первые два понятия (потребности=интересы и разделение труда) Маркс широко использует в «Немецкой идеологии», т.е. при завершении оформления своей общей теоретической и философской концепции (1845–1846 гг.).

Маркс, следуя за многими теоретиками начала XIX в. (экономистами, историками, радикальными деятелями), выделил основные в социально-экономическом отношении структурные группы - классы. Выделение основных «игроков» в гражданском обществе позволило Марксу конкретизировать общее представление Гегеля о «гражданском обществе» как арене борьбы всех против всех. По Марксу, отнюдь не атомарные индивиды преследуют свои интересы — каждый по отдельности, а большие группы людей, объединенные общими интересами, выступают друг против друга, причем зачастую единым фронтом, спаянные «классовой солидарностью». Социальная общность

групп людей - основа содержания понятия «класс». Маркс пишет об этом, например, так: «Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов - они образуют класс»²⁷. Такой подход оставляет возможность для формирования достаточно сложных представлений о структуре общества и динамике внутри этой структуры, т.е. о социальной стратификации и социальной мобильности.

Отметим, что обращение к экономическим характеристикам гражданского общества позволило Марксу ввести более, так сказать, детализированные модели социальной иерархии. Маркс, как известно, был склонен к очень обобщенной суммарной характеристике гражданского общества: «вся торговая и промышленная жизнь», «общественная организация, которая во все времена образует базис государства и прочей идеалистической надстройки»²⁸. Или: «Определенный общественный строй, определенная организация семьи, сословий и классов»²⁹. Аналогичных квалификаций в текстах Маркса немало. Но в экономически обоснованной социальной иерархии гражданское общество у Маркса выглядит по-другому. Так, в «Теориях прибавочной стоимости», в «Капитале» и предварительных к нему вариантах Маркс уделяет, например, внимание проблематике распределения. А это непосредственно выводит его на структурное строение гражданского общества, где феноменально «выплывают» (или, гегелевским языком, начинают «светиться» сквозь основное классовое деление) иные социальные группы (слои). В связи с анализом экономического феномена дохода в его отношениях с капиталом, постоянным и переменным, Маркс обращает внимание на так называемые «средние классы» и их экономическое и политическое значение в социуме. Либеральная политическая теория уже давно приучила видеть в «средних классах» гаранта социальной и даже политической стабильности, периодически нарушаемой как низшими, так и высшими классами. Маркс же рассматривает «средние классы» в качестве, так сказать, необходимого, но побочного результата развития экономики, причем как рост, так и периодическое сокращение «средних классов» связывает с технологией пере-

распределения дохода (не капитала!). В борьбе за эту часть капиталистической прибыли, не предназначенной для накопления (развития производства), вступают многочисленные «Mittelklassen», иногда в форме богатых и древних организаций, типа церкви или различных религиозных институтов.

Далее, «средние классы» для Маркса также не являются некой аморфной серединой, они структурируются по отношению к источнику своего существования, доходу. Среди них выделяются «непроизводительные работники» (по А.Смиту), которые оказывают необходимые или навязанные услуги владельцам двух основных видов дохода: во-первых, получателям промышленной прибыли и их как бы «совладельцам» (получателям земельной ренты, банковского процента и т.п.), и, во-вторых, обладателям заработной платы за продажу собственной рабочей силы. От последних «непроизводительные работники» отличаются только источником своего существования: производительные работники оплачиваются из капитала, непроизводительные — из заработной платы как дохода производительных работников. Естественно, что социальные группы, живущие на доход владельцев промышленной прибыли, аналогичны по экономическому статусу домашней прислуге. Их благополучие производно от богатства их нанимателей. Те же компоненты «средних классов», чьи услуги преимущественно принадлежат владельцам только заработной платы, чаще всего и делят общую бедность со своими клиентами. Отметим, что эта категория людей для Маркса, жившего в середине XIX в., еще не была фактически дана, не сформировалась. Он практически еще мог не учитывать «зарплату» как эмпирически данный источник существования для части «средних классов». Маркс только отмечает появление и возможный численный рост таких социальных групп в перспективе роста производительности труда при сохранении социального неравенства. В целом, так и получилось уже в XX в.

Таким образом, структура гражданского общества выглядит у Маркса достаточно сложно. В царстве «нужды и рассудка» враждуют между собой основные классы и второстепенные, примыкающие к полюсам прибыли или заработной платы. Эта вражда дефинируется в терминах классовой борьбы и свобод-

ной конкуренции, вполне сочетающихся с групповой или классовой солидарностью в тех случаях, когда дело касается коренных, «шкурных» общегрупповых интересов. Наличие соответствующих организационных форм такого рода объединений подразумевается Марксом и приветствуется в определенных случаях: так, он поддерживал деятельность профессиональных союзов, кооперацию или прилагал усилия по изучению различных финансовых организаций. И если в XIX в. Марксу было затруднительно назвать и описать организационные формы, в которых крупные собственники осуществляют давление на государство (типа профсоюзов капиталистов!), то в наши дни деятельность такого рода клубов, фондов или разного рода «неформальных объединений» истеблишмента давно потеряла очарование масонских тайн. Для Маркса, повторяем, речь идет о структурах гражданского общества, реализующих свои цели посредством воздействия на государственные структуры, причем различной политической специфики.

Но и этого недостаточно, и Маркс вводит в понимание гражданского общества непосредственное *политическое измерение*: «Поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации - они не образуют класса. Они поэтому не способны защищать свои классовые интересы от своего имени, будь то через посредство парламента или конвента»³⁰. Отметим, что данное объяснение смысла понятия «класс» никак не является «подгонкой» под дуальную структуру «буржуа - пролетариат». Очевидно, что «класс» у Маркса - понятие широкое и многомерное, захватывающее в какой-то степени все людское наполнение «гражданского общества».

Таким образом, классовые интересы шире, нежели прямые экономические интересы того или иного класса. Маркс перечисляет «образ жизни» и «образование», единые у множества людей в силу тождества условий их жизни. Значит, в этих областях интересы классов также различаются. В то же время именно в области экономических интересов происходит наиболее существенное расхождение и противопоставление классов в экономике, основанной на взаимодействии капитала и наемного труда.

Состояние гражданского общества, в котором основные классы столь радикально расходятся в своих материальных интересах, Маркс нередко называет скрытой гражданской войной. В этой войне всякому классу рано или поздно приходится озаботиться созданием собственных организаций и институтов, среди которых выделяется уже указанная функция *политического представительства*.

Воздействие гражданского общества на государство

Современное ему государство Маркс понимает как буржуазное, в отличие от более ранних исторических форм государственности, и это отличие вызвано современным уровнем развития и господством частной собственности. «Этой современной частной собственности соответствует современное государство, которое, посредством налогов, постепенно бралось на откуп частными собственниками и, благодаря государственным долгам, оказалось совершенно в их власти; самое существование этого государства, регулируемое повышением и понижением государственных бумаг на бирже, целиком зависит от коммерческого кредита, оказываемого ему частными собственниками, буржуа»³¹. Это общее положение получает обоснование в подробном анализе исторического опыта Франции как наиболее типичного для взаимоотношений гражданского общества и государства.

В ряде работ Маркс рассмотрел отрезок истории от восшествия на трон Луи-Филиппа до поражения Франции во франко-прусской войне и гибели Парижской коммуны. Начало исследования связано со временем правления Луи-Филиппа, с 30–40-х гг. XIX в. По Марксу, это было время полного господства одной из фракций буржуазного класса – финансовой аристократии, банкиров. «Финансовая нужда с самого начала поставила Июльскую монархию в зависимость от верхушки буржуазии, а ее зависимость от верхушки буржуазии в свою очередь стала неисчерпаемым источником все растущей финансовой нужды»³². Механика закрепления этой зависимости проста: «По истечении каждого года – новый дефицит. Через каждые четыре или пять лет – новый заем. А каждый новый заем давал фи-

нансовой аристократии новый удобный случай обирать государство, искусственно поддерживаемое на грани банкротства, - оно должно было заключать займы у банкиров на самых невыгодных условиях»³³. Таким образом, государство было поставлено на службу определенной «корпорации», как сказал бы Гегель, причем это было сделано целенаправленно, с помощью насильственной смены правящей династии, введения конституционной монархии и планомерного манипулирования бюджетом государства.

Конечно, при Луи-Филиппе все делалось вполне патриархально: «Малейшая финансовая реформа разбивалась о противодействие банкиров. Так, например, *почтовая реформа*. Ротшильд запротестовал. Разве смело государство сокращать источники дохода, из которых должны были уплачиваться проценты по его все растущему долгу?»³⁴. Искусственный дефицит государственного бюджета, выгодный банкирам, привел к тому, что «чрезвычайные государственные расходы в последние годы царствования Луи-Филиппа более чем вдвое превышали чрезвычайные государственные расходы при Наполеоне»³⁵. Напомним, что Наполеон непрерывно воевал, а Луи-Филипп царствовал в мирное время. В итоге, как заключает Маркс, «финансовая аристократия издавала законы, управляла государством, распоряжалась всей организованной общественной властью»³⁶.

Итак, при Луи-Филиппе сильнейшее воздействие на государство оказывала «фракция» = «верхушка» буржуазного класса = «финансовая аристократия» = «банкиры» = «Ротшильд». Рычагом воздействия служит государственная задолженность, искусственно поддерживаемая всемогущими кредиторами. Это механизм влияния или давления гражданского общества в лице одной из его частей на государство, причем речь идет о конституционной монархии. Революция 1848 г. имела результатом формирование республиканского политического строя, который вследствие переворота Луи Бонапарта в 1852 г. был преобразован в так называемую «вторую империю». Таким образом, Франция за короткий отрезок времени сумела резко поменять формы государственного устройства: конституционную монархию на республику, республику на

авторитарно-деспотический строй. После империи, в 70-е гг., вновь установился уже прочный республиканский режим. Независимо от этих политических метаморфоз общая зависимость государства от гражданского общества в лице «корпорации финансистов» сохранялась полностью.

Революцию 1848 г. Маркс изображал как некую разборку между властной «финансовой аристократией» и остальной частью привилегированных классов, оппозицией. Слишком активное и незапланированное вмешательство парижских «низов» заставило объявить республику и даже сделать некоторые исторически первичные шаги в сторону социальных уступок низшим классам («право на труд»). Правда, эти уступки были быстро ликвидированы, а социальная и политическая нестабильность, неразбериха с выборами и т.п. привели к власти Луи Бонапарта. Как гарант порядка и социальной стабильности, Бонапарт еще до своего переворота получил поддержку могущественной финансовой аристократии. «Достаточно заглянуть в курсовые бюллетени парижской биржи, чтобы убедиться, что с 1 ноября 1848 г. французские ценные бумаги поднимаются и падают вместе с повышением и падением акций Бонапарта»³⁷. Это и естественно, поскольку «все современное денежное дело, все банковское хозяйство теснейшим образом связано с государственным кредитом... во все времена устойчивость государственной власти представляла ветхозаветную святыню для всего денежного рынка и жрецов этого рынка»³⁸.

Следует отметить, что Маркс отнюдь не рассматривал государство как форму организации общественной жизни в качестве пассивного или нейтрального восприемника интересов правящих классов. Государство представляет собой *материальную силу*, которая в *исполнительной власти* наделена огромными полномочиями. Например, Маркс следующим образом характеризует французское государство середины XIX в.: «Эта исполнительная власть с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона, этот ужасный организм-паразит, обвивающий, точно сеть, все тело французского общества и затыкающий все его поры...»³⁹.

А Франция, по многократным свидетельствам Маркса и Энгельса, служила для них своеобразным эталоном чистоты политических процессов. Поэтому наблюдения над политическими событиями французской истории они не считали частными. Они видели во французских политических структурах, процессах и тенденциях нечто общее для мира, но более наглядно, чем в других странах, выраженное. Для Франции, отмечал Маркс, характерно, что «государство опутывает, контролирует, направляет, держит под своим надзором и опекает гражданское общество, начиная с самых крупных и кончая самыми ничтожными проявлениями его жизни»⁴⁰. Это положение для самого государства означает огромный перевес сил исполнительной власти над властью законодательной. Правительственная власть всесильна и бесконтрольна, парламент бессилён. Такое положение сложилось во Франции исторически, Маркс полагал, что это наследие абсолютистской монархии, но с переходом к эре либерального представительства была возможность все изменить. Для того, чтобы обрести подлинное влияние, законодательная власть должна упростить систему государственного управления, уменьшить, «насколько это возможно, армию чиновников» и дать «наконец гражданскому обществу и общественному мнению создать свои собственные, независимые от правительственной власти органы»⁴¹. Вопрос лишь в том, в какой степени законодательная власть как представитель гражданского общества, т.е. привилегированных слоев этого общества, заинтересована в усилении гражданского общества?

Маркс отвечал на этот вопрос отрицательно. Во Франции XIX в. класс буржуа, основная сила гражданского общества, позитивно относился к своему государству - такому, каким оно было. Маркс писал, что «материальный интерес французской буржуазии теснейшим образом сплетается с сохранением этой обширной и широко разветвленной государственной машины. Сюда сбывает она свое излишнее население и пополняет в форме казенного жалованья то, чего она не смогла заполучить в форме прибыли, процентов, ренты и гонораров»⁴². Равным образом и политические интересы буржуазии как класса вынуждают ее «с каждым днем все более усиливать репрессии, т.е. ежегодно увеличивать средства и личный состав государственной власти»⁴³.

Такого рода процессы к нашему времени известны слишком хорошо. Марксу в 50-е гг. XIX в. казалось, что резкий рывок от парламентской системы к единоличному правлению типа деспотии свидетельствует о приближении политического конца всей этой системы власти. Разумеется, он ошибался, как ошибаются все предсказатели резких «крушений и концов» в истории. В остальном же его анализ времени правления Луи Бонапарта, начавшего государственным переворотом, а закончившего прусским пленом и отречением от престола, вполне реалистичен и исторически перспективен. Маркс писал о приходе к власти Бонапарта следующее: «Государственная машина настолько укрепила свое положение по отношению к гражданскому обществу, что она может теперь иметь во главе... какого-то явившегося с чужбины авантюриста, поднятого на щит пьяной солдатней, которую он купил водкой и колбасой»⁴⁴. Исполнительная власть, набравшая такую силу, уже обретает черты некоего пост-гоббсовского левиафана, которому в обществе все позволено, за исключением одного, а именно недостаточной защиты интересов привилегированных классов. Всякая политическая власть, по Марксу, - это «организованное насилие одного класса для подавления другого»⁴⁵.

Таким образом, государственная власть, не теряя своего классового характера, вполне способна набрать такую силу и самостоятельность, что всякие притязания гражданского общества на минимум либеральных свобод оказываются тщетными. Однако Маркс задолго до государственного переворота и установления во Франции полицейского режима Луи Бонапарта уже разделял идеи о необходимости устранения, отмены или уничтожения государства в его существующем виде. Мысли об отмирании государства, о потере им своего политического характера, о полном преобразовании общественного строя в перспективе уничтожения классового общества относятся к существенным сторонам коммунистической утопии Маркса. Но с «отмиранием государства» в марксовом предвосхищении будущего неразрывно связана и аналогичная судьба гражданского общества. Уже в первой половине 40-х гг. XIX в., составляя план специальной работы о современном государстве, Маркс последним, завершающим пунктом поставил борьбу «за

уничтожение (Aufhebung) государства и гражданского общества»⁴⁶. Впрочем, видение будущего, прогнозы и прорицания Маркса на эти темы должны быть предметом особого рассмотрения, выходящего за пределы задач данной работы.

Примечания

- ¹ Например, Э.Геллнер так определяет смысл понятия «гражданское общество»: «Совокупность неправительственных институтов, которые достаточно сильны, чтобы служить противовесом государству и не позволить ему подавить и атомизировать остальное общество» (*Геллнер Э. Условия свободы*. М., 2005. С. 21).
- ² См.: *Боуз Д. Либертарианство*. Челябинск, 2004.
- ³ Например, Ю.Хабермас формулирует эту мысль таким образом: «Несмотря на то, что рынки могут учреждаться и контролироваться в соответствии с той или иной политикой, они тем не менее повинуются собственной логике, которая не поддается государственному контролю» (*Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории*. СПб., 2001. С. 202).
- ⁴ *Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии*. СПб., 1944. Кн. 2. С. 283.
- ⁵ Там же. С. 283–284.
- ⁶ *Макс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 18.
- ⁷ Там же. С. 17.
- ⁸ Там же. Т. 21. С. 220.
- ⁹ Там же. Т. 1. С. 387.
- ¹⁰ Там же. С. 392.
- ¹¹ Там же. С. 399.
- ¹² Там же. С. 400.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 401.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 405.
- ²⁰ Там же. С. 402.
- ²¹ Там же. С. 410.
- ²² Там же. С. 439.
- ²³ Там же. С. 440.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 441.
- ²⁶ Там же. Т. 13. С. 6.
- ²⁷ Там же. Т. 8. С. 208.

²⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т. Т. 2. С. 72.

²⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 402.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Т. 3. С. 62.

³² Там же. Т. 7. С. 9.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 10.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 11.

³⁷ См.: Там же. Т. 8. С. 158.

³⁸ Там же. С. 191.

³⁹ Там же. С. 205–206.

⁴⁰ Там же. С. 157.

⁴¹ Там же. С. 157–158.

⁴² Там же. С. 158.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 207.

⁴⁵ Там же. Т. 4. С. 447.

⁴⁶ Там же. Т. 42. С. 227.